

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА
ИГРЫ С РАЗУМОМ

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Бездна
с мягкими
стенами

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 **Бездна с мягкими стенами / Анна и Сергей Литвиновы.** — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-234814-3

В психиатрической больнице, где диагнозы становятся приговорами, а лекарства — ядом, разворачиваются судьбы тех, кто осмеливается бросить ей вызов. Юный и дерзкий Филипп, мечтающий о сцене, из-за одной неосторожной фразы попадает в бездну с мягкими стенами, где его личность пытаются стереть. В соседнем отделении угасает богатая наследница Рита. Их отчаянная борьба за разум и свободу сплетается с тайным расследованием, которое ведет гениальный математик по кличке Кречет и его команда «знатоков». Смогут ли они разоблачить зловещий заговор и помочь Филиппу и Рите выбраться из ада или бездна поглотит их навсегда?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-234814-3

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ровно год назад, седьмого июня, дочь приезжала к ней на день рождения. Привезла бутылочку шампанского, торт, новые фотографии Мишенькины. Посидели по-семейному, тихо. Мать посетовала, что внука редко видит. Дочка вздохнула. Она бы и рада Мишутку к бабушке с собой взять, но муж не одобрял. Считал: слишком балует мальчика старуха. Изверг. Сам-то со всеми строг, с ее девочкой тоже. Замуж отдавала веселой хохотушкой, а сейчас редко-редко вместо смеха искристого — неуверенная улыбка. Но жили обеспеченно, крепко, без скандалов, за границу отдыхать ездили, поэтому теща их семью рушить не пыталась.

Представить не могла, что год спустя она свой день рождения встретит на кладбище. У могилы дочери любимой.

Памятник пока не поставили, только к кресту православному привинчен портрет, Юля на нем беззаботно улыбается. Зять хотел более серьезную фотографию, но мать настояла, что сама выберет. Когда-то ей казалось: нет на планете более лучезарного человека, чем доченька. Но сейчас долгие часы на кладбище проводила, присматривалась, видела: в глазах смеющихся, пожалуй, проглядывает печаль. Или кажется просто: с могильной-то фотографии странно улыбаться?..

Врач ее убеждал: болезнь у дочери давно подспудно развивалась. Если бы раньше обнаружили, может, и обошлось

бы. Юля действительно часто жаловалась, что не может уснуть. Тревожиться подолгу могла из-за ерунды вещей. И жила нервно. То носится, красится, полна идей, планов, то все неожиданно надоедало ей, начинала грустить. Но мать считала: просто такой характер. И в тяжелые периоды доченьку всегда холила, оберегала, утешала. А муж к Юлиным перепадам настроения строгий. Тоска не тоска — обед-ужин изволь подать.

Но в ее болезнь психическую мать поверить все равно не могла, сколько ни убеждали. Никогда раньше — и тем более сейчас, когда дочка руки на себя наложила. В юридическом крючкотворстве не разбиралась, но смогла настоять, чтобы обязательно судебно-психологическую экспертизу провели. Посмертную.

Следователь пытался убеждать: не положено. Назначают ее, только когда суицид совершенно здоровые совершают. А Юля наблюдалась у психиатра.

Но мать возмутилась:

— И что? У нас половина страны антидепрессанты пьет, только все живы!

— Да поймите вы, тут не просто депрессия — биполярное расстройство! Документально подтверждено!

— Все равно, — упорствовала, — я не верю.

Зять сказал, что дурью мается. И очень возмущался, когда домой психолог приходила, Мишеньку тревожила — расспрашивала его про маму.

В итоге раскопали эксперты, что давно былшем поросло. Когда в школе, в десятом классе, у Юли истерика случилась из-за «двойки» — и рыдала так безутешно, что пришлось скорую вызывать, успокоительное колоть. Учительница английского (с ней дочка частным образом занималась) пожаловалась, будто «девочка была очень нервной: то спад, то подъем». Плюс историю семьи разворошили, выяснили,

что брат (Юлечкин дядя) депрессиями страдал, то бишь наследственность примешалась.

В итоге диагноз подтвердили. И обстоятельства, при которых трагедия случилась, сомнений не вызывали. Дочка находилась в квартире одна, сын в садике, муж на работе. Версию, что «помог» кто-то, даже не рассматривали: никаких следов посторонних, ничего подозрительного — и отпечатков чужих нет, только окно распахнуто. Уголовное дело возбуждать отказались. Вчера следователь сообщил: выдал вдовцу постановление. И ей посоветовал: принять. Смириться. Хотя и добавил:

— Возможно — я повторяю, только возможно! — ваш зять действительно виноват. Но только в том, что недоглядел, не забеспокоился, не почувствовал, что она в депрессию скатывается. Подобное случается. Тем более скрывать свое состояние Юля умела.

— От любящего человека-то зачем скрывать? — вырвалось у матери.

— Сами знаете. Чтобы в больницу не попасть. Далеко не все психически нестабильные готовы принять, что им необходимо лечиться.

Юленька признавала, что от таблеток ей лучше. Но «дурку», где единожды побывала, называла адом ужасным. Сбежала оттуда через неделю.

Хотя зять, со слов врача, «пел»: надо ей тогда было курс лечения до конца пройти.

И что, будь сейчас Юля под стационарным наблюдением, не случилось бы никакой трагедии.

Мать была уверена: на самом деле он рад, что избавился от «неудобной» жены. Все силы, негодяй, прилагал, чтоб Мишенька как можно быстрее маму забыл. Вещи Юлины повыбрасывал, в доме — ни одной ее фотографии. И мальчику наверняка мозги промывает: не хнычь, ты мужчина, а мама — сама виновата.

Не удержалась — прямо отсюда, с кладбища, позвонила внуку. Тот болел, в садик не ходил и очень ее звонку обрадовался:

— А то мне страшно дома одному.

— Папа-то где?

— С работы пока не пришел.

Вот да. Любящий отец. Перевелся вроде бы специально для сына на полставки, только времени — пять часов, а мальчонка пятилетний один в квартире сидит.

Бабушка долго болтала с внуком. Даже танк рисовали вместе: она тоже калякала веткой прямо на песке, что усыпал могилу.

А зять — Юлин вдовец — в это время торопливо шагал по тропинке Лосинового острова. Его уже ждали: навстречу со скамейки поднялся мужчина. Молча протянул руку. Спросил:

— Ну как?

— Все хорошо. Уголовное дело возбуждать не стали.

И вынул из внутреннего кармана пухлый конверт:

— Как договаривались. Тридцать тысяч «зеленых».

Будь при этой встрече Юлина мама — очень бы удивилась, потому что собеседника зятя она тоже прекрасно знала.

СЮЗИ

Сюзи регулярно попадала в психушки с двенадцати лет, но считала: и здесь можно жить нормально. Особенно когда за тебя бабло кидают. А у нее хороший спонсор имелся. И персоналу заносил, и дополнительные процедуры оплачивал.

Электросон — забава на четверочку, хотя интересные видения иногда тоже приходят. Зато экспериментальная «майнд-машина» — полная круть. Очки как в компьютерной игре и наушники топовые, с полным отключением от реаль-

ности. Перед глазами — картинки-узоры, словно в калейдоскопе; в ушах — то писк, то вой, то рокот волн. Отлетать можно капитально, будто шампусиком хорошо закинулась. Хотя официально — полный кринж — считалось, будто устройство с зависимостями бороться помогает. Провоцирует выработку какого-то там полезного нейромедиатора.

Спонсор у Сюзи — удобнее не придумаешь. Родной братик. Сашка. Старше на восемь лет.

Дома и на районе он считался стремным типом, отсидел за кражу. Их пафосная мать тогда на суде заявила: «Не имею дела с ворами».

Санек с ней с тех пор и не контактил. Зато за Сюзи, любимую сестренку, всегда вписывался и проблемы ее разруливал.

Посещений в детской дурке нет: типа, нельзя нежную психику травмировать воспоминаниями о доме. Но брат, когда в Москву наезжал, правильным людям всегда башлял и в больничку просачивался.

Сегодня совсем внаглую смог — до обеда, даже врачи не разошлись.

Санитар после «майнд-машины» Сюзи подкараулил, толкнул в пустую надзорную палату, дверь ключом-гранкой запер снаружи. Она привычно прикололась — башкой пару раз стукнула в обитую мягким стену. В целом не больно, и шум в мозгу потом приятный. А дальше Саня подтянулся. В белом халате — типа доктор.

Братик ее диагноз отрицал начисто, хотя сама Сюзи не была настолько уверена. Но что он ей сочувствовал — всегда умело использовала. Передачи с него качала, процедуры, опять же, платные. А когда совсем задерет в дурке сидеть — Саня всегда ее лечащему за ремиссию готов задонатить.

Сейчас приближалось полнолуние, и ей очень хотелось ночь, когда с неба будет улыбаться огромный яркий диск, провести не в душевной палате, а в ночном парке под шелест ветра.

Поэтому, когда Сашка спросил, за что на этот раз замели, привычно перевела стрелки на мать:

— Она с новым кентом сейчас мутит, ну и запхала меня сюда, чтобы не напрягала их.

Саня мгновенных решений сроду не принимал — сначала в голове крутил долго. Сейчас тоже — прилег на надзорную койку, прикрыл глаза, сделал коммент вроде как не по делу:

— Жесткая. Матраса словно нет.

— А, неадекватам сойдет. В палатах нормальные. Я высыпаюсь.

— Выглядишь, кстати, годно. — Взглянул оценивающе.

Сюзи кокетливо улыбнулась. Она (на его же монеты) давно себе завела целую коллекцию стильных халатов для больнички.

Брат сказал:

— Я недавно подкаст слушал. У вас, зумеров, что ли, мода теперь такая — «дуркинг»? Специально в психушку, чтобы никаких проблем. Правда?

Сюзи хмыкнула:

— В целом да. Удобно, когда за тебя все решают. И школа здесь чепуховая. И мать мозг не компостирует.

Но не забыла обиженным тоном добавить:

— Только я не психическая ни разу. Мамашке просто хата чистая нужна, сам, что ли, не знаешь?

— Лан. Я пока в городе, заскочу к вам на квартиру. Наеду на нее. Чтоб поскромнее была. Иди собирай манатки. Сейчас отчалим. С доктором перетру.

КРЕЧЕТ

К двадцать седьмому заказу за день у Кречета конкретно мутилось в глазах. Хотя никто не заставлял хватать все возможные — по своей инициативе набрал. И не потому, что много денег нужно. Круговерть и работа под давлени-

ем давали возможность не думать, выключиться из реальности и тупо наслаждаться полетом: птица кречет, в честь которой кличка, пикировала на скорости до двухсот девяти, а свою ямаху XJR1300 он до двухсот шестидесяти разгонял. На три километра в час быстрее, чем официально признанная максималка. Поэтому и любил, в отличие от прочих курьеров, брать загородные заказы: областные гаишники не чета московским, поймать его даже не пробовали.

И вот наконец двадцать седьмой. Последний за день. В пакетах, похоже, что-то скучное: бутылки не звенят, испанский окорок ароматом не исходит. Хотя заказ из дорожного супермаркета и домик у заказчика совсем не бедный. Обычно в таких прислуга встречает, но когда он позвонил в домофон, мужской голос попросил виновато:

— Можете в дом занести? А то у меня нога травмирована.

— Не вопрос, — отозвался Кречет.

Ямаху бросил под забором, предупредил:

— Не скучай. Скоро буду.

На работе посмеивались, что он с железкой беседы ведет, но Кречет отмахивался:

— Да девочка моя поумней, чем вы все!

Почему-то, едва купил, сразу решил: пусть выглядит мотоцикл навороченным хищником, но душа у него женская. Тонкая.

Прошел по аккуратной аллейке к особняку. Хозяин — мужик лет сорока — ждал в коридоре, опирался на костыли.

— Вас не затруднит отнести на кухню?

— Не вопрос. Могу и разгрузить, если надо.

— Пожалуйста. Буду очень благодарен.

Молодец дядька. Вежливый. Хотя Кречет давно не обижался, что курьера не считают за человека. В целом правильно. Профессии вымирать пора: на улицах, в магазинах все больше появляется роботов.

Раскрыл пакеты, йогурты расставил в холодильнике, макаронки, рис положил, куда показали, — в шкафчик.

— Может, чаю попьем? — предложил неожиданно хозяин.

— Так не с чем, — хмыкнул Кречет.

— У меня пирожные имеются. Домашние.

— Сами испекли?

— Нет. Домработница.

Когда заказчицы — девчонки, его часто зывали на чашку чаю. А мужики — предлагали по рюмочке. Кречет всегда отказывался. И сейчас попробовал. Но хозяин взглянул проницательно:

— Вы ведь устали сегодня. Да и мне хорошо: компания.

— Поговорить с кем-то надо?

— Нет. Отвлечься. А то весь мозг сломал. — Кивнул на шахматный столик, где были фигурки расставлены. Статусные, как и весь домик. Из слоновой кости.

Кречет заинтересовался, стал разглядывать партию. Шестеренки, с его нынешней жизнью, изрядно заржавели. Однако из памяти выплыло:

— Белые ставят мат в один ход?

Хозяин заинтересованно спросил:

— И решение знаете?

— Конечно. Конь на d5.

Хозяин посмотрел на доску, сказал растерянно:

— Вот черт!

И смел решительно фигуры, заулыбался:

— Теперь точно не отпущу. Пока партию не сыграем.

— Я с любителями не бьюсь, — отказался решительно Кречет. Неохотно добавил: — Мастер ФИДЕ. До гроссмейстера чуть не дотянул.

— Да иди ты! — обалдел собеседник. И с искренним любопытством спросил: — А с образованием у тебя как?

В анкете, когда на работу устраивался, Кречет указал среднее. Но этого отчего-то захотелось поразить, поэтому ответил правду:

— Высшее. Мехмат МГУ.

— Вот это удачно я йогурты заказал! — потер руки его собеседник. — Мы как раз такого, как ты, и ищем.

— Зачем? В оргпреступности ходы некому просчитывать? Хозяин расхохотался. Заливисто. А дальше деловито велел:

— Ямаху свою загони во двор. Разговор долгим будет.

ЭРИК

Одна смена у Эрика Шелепихина обходилась продюсерам в триста тысяч, зато хлопот сверх сметы он не доставлял и заковырыстыми райдерами не грузил. Требования стандартные: отдельный вагончик да еда нормальная, негоже звездам употреблять кинокорм в пластиковых лоточках. Ну и художник по гриму — всегда его протеже. Лилька. Пусть та в десятку самых востребованных не входила, но ему лицо всегда рисовала правильно. Да и хорошие воспоминания с ней связаны.

Познакомились, когда был совсем зеленым юнцом, третьекурсником «Шуки». Лилька постарше и давно при деле. Прибыла в столицу из Заполярья и смогла за город зацепиться. Окончила театрально-художественный технический колледж плюс кучу дополнительных курсов, квартиру взяла в ипотеку, сотрудничала с крутым ток-шоу на ящике. Эрик там подрабатывал зрителем, а яркая, шустрая, обаятельная гримерша кружилась с пуховкой вокруг ведущего и главных гостей. И после «Снято, всем спасибо» он немедленно к ней подкатил. С наглой просьбой — стать художником-гримером на их студенческом спектакле.

— А что я с этого буду иметь? — улыбнулась она лукаво.

— Розы. Конфеты. И мою вечную благодарность.

Вздернула бровь:

— Ты там Гамлет, надеюсь?

— Если бы. Петя я. Купчик из «Леса».

— Это который сын Воскобойникова? — Она продемонстрировала эрудицию. И неожиданно добавила: — А что, похож. Есть у тебя в глазах какая-то тоска, надломленность. Бухаешь, что ли?

— Ну... как все. Неужели правда придете?!

— С одним условием...

— Все что угодно!

— Когда станешь звездой, про меня не забудь.

Конечно, он мечтал прославиться. С первого дня, когда совсем малышом впервые вышел на сцену. Но жизнь с каждым годом подрезала крылья. В «Щуку» попал с третьей попытки и только на платное. Все учебные годы твердо тащился в середнячках и даже в хвосте. Какой там Счастливец и тем более Несчастливец — ему Петьку-то дали только потому, что парень из основного состава в больницу попал.

Девчонки — Гурмыжская, Аксюша, Улита — страшно возгордились, что на их спектакле настоящий художник по гриму, и нагло требовали все внимание им. Но Лиля каждой уделила минут по десять, а с ним возилась полчаса. Шевелюру сделала всклокоченную, жалкую. С губами долго колдовала. Потому что рот, сказала авторитетно, у Пети должен быть вялый, безвольный. А напоследок сказала:

— Типаж, конечно, совсем не твой. Но лучше в пьесе Островского занятость, чем в сериалах с одинаковыми красавцами.

— Я красавец? — расправил плечи.

— Ты лучше, — ответила убежденно.

И слова ее добрые грели весь спектакль — отыграл роль вдохновенно, даже вечно недовольный мастер благосклонно улыбался.

Но когда спустя пару месяцев попробовал снова на студенческий спектакль заманить, отрезала:

— Все, Эрик, хватит. Я благотворительностью не занимаюсь. Мы ведь договорились. Когда прославишься — тогда и зови.

Неужели действительно в него верит?

Все остальные давно отступились.

Горячая убежденность случайной знакомой отчасти подерживала.

Когда служил в детском театре на окраине Москвы, бесконечно подрабатывал Дедом Морозом, мерз в массовках и гордился жалкими эпизодиками.

К двадцати пяти Эрик готов был окончательно признать: карьера не задалась. Пошел на курсы компьютерные: нужно было получать, как и советовали когда-то родители, нормальную профессию. Что его видеовизитки во многих агентствах остались, даже забыл. Сколько лет лежат — толку ноль.

А в двадцать шесть ему предложили первую роль. Настоящую. С упоминанием фамилии в титрах.

Удивительно устроен актерский мир! В нем самом — ничего не изменилось. Отыграл рольку с тем, что и раньше умел. Но почему-то лишь сейчас заметили: парень-то не просто фактурный, а с прекрасной школой. Ну и никаких закидонов — милый, непьющий, коммуникабельный (по двум последним пунктам он умело притворялся).

И понеслось. Попал в струю.

Нынче у него личный агент и график расписан надолго вперед. Слишком смело утверждать, что всей страны секс-символ, но у подъезда нет-нет, а наталкивался на поклонниц. Когда размышлял про собственный жизненный путь, про себя усмехался: на того самого купчика Петю Воскобойникова из студенческого спектакля похоже. У Островского это за кадром, но, по логике событий, следует: сын бессловесный

до поры прислуживает папаше, а потом весь бизнес унаследует и совсем другим человеком станет.

Так и у него получилось. Только без отцовских денег и чьей-то помощи: всего сам добился.

Лиле Эрик позвонил, когда получил первую премию на престижном фестивале. Весело молвил:

— Хочу должок отдать. Как у тебя с занятостью?

Растерялась:

— Ну... нормально.

— Не бросила профессию?

— Нет. По-прежнему на ящике кисну.

— К черту его. Сериал, «мотор» через неделю. Двадцать четыре смены. Обычная ставка — пятнадцать штук, но я для тебя у продюсера двадцать выбил. Почти как в рекламе будешь получать.

И вот тут она растерялась. А Эрик сразу понял: с телевидения и всех вероятных халтурок имеет Лиля гораздо меньше. Тогда вдвойне приятно: красиво закрыть гештальт.

Встречи ждал почти с нетерпением. Помнил-то миниатюрную, эффектную, острую на язычок, с парой смелых татуировок и синими прядями в волосах. Увы, пятнадцать лет — только для мужчины ничто, а для женщины — настоящая пропасть.

Лилька, к счастью, не потолстела. Но глаза очертили морщинки, сразу понятно: на гламур с косметологами возможностей нет. Одета без намека на вызов, в серо-черное; татуировки светла, волосы тоже стали скучные, каштановые. Бабки бы у подъезда сказали: «Остепенилась». Эрик подумал: «Как жаль».

Спросил:

— Чем живешь? Замужем?

Дернула плечом:

— Нет. Не мое.

— А детей завела?

— Сын.

— Большой?

— Школьник. А ты женат?

Улыбнулся:

— Светскую хронику не читаешь?

— Не-а.

— А я тебе хотел жареный факт сообщить. Что как раз снова свободен.

— Нет-нет, — поспешно отозвалась. — За работу спасибо. Но подкатывать ко мне не надо. Я секс-символов не люблю.

Эрик, по правде сказать, и не собирался.

Когда-то Лиля в его глазах надлом углядела, а сейчас он видел уставшую, почти угасшую женщину. Одну из миллионов. Обычную. Без перчинки. А он-то продюсеру клялся, что его протеже, художник по гриму, — чудо, бриллиант!.. И как специалист, и как женщина.

Но, к счастью, профессиональных компетенций Лиля не растеряла. Со спецификой именно киношного грима тоже оказалась знакома, а чего не знала — схватывала на лету.

И в быту себя вела очень правильно. Иные гримерши везде лезут, чуть ни лидером съемочного процесса себя считают. А Лиля всегда без излишнего панибратства и навязчивости.

За пару лет они отработали вместе на восьми картинах. Продюсеры сначала опасались, что новая художница по гриму, мать-одиночка, может им проблемы создать. Когда съемки, больничный, понятное дело, брать нельзя: весь процесс встанет. Но она ни разу не подвела. И в Беларусь ездила на две недели, когда понадобилось.

— А с кем сын твой? — спросил как-то Эрик.

— Он у меня самостоятельный парень. — Ее лицо осветила истинно материнская гордость. — Один справляется.

— На руины небось возвращаешься? — подмигнул.